

Уважаемый Александр Сергеевич!

Сердечно благодарю Вас за присланный мне номер газеты "Пермский Университет", посвященный 70-летию со дня основания Пермского Университета. Я была искренне рада, что в настоящее время Пермский Университет является одним из ведущих вузов нашей страны.

Как известно, Пермский Университет был основан в 1916 году. Уже к 1930-1931 гг., т.е. к моменту реорганизации Университетов в нашей стране, он представлял собой солидный университет. Однако после реорганизации университетов наиболее крупные факультеты были преобразованы в самостоятельные институты: Медицинский, Фармакологический, Сельскохозяйственный, Педагогический и др.

Университет и Педагогический институт остались в Наркомпросе, остальные институты вошли в другие Наркоматы, они оказались более обеспеченными. Что же касается Пермского университета, то он оказался в труднейших условиях как в отношении кадров, так и помещений и т.д. Без преувеличения можно сказать, что Пермский университет в значительной мере заново создавался.

Работая в 1937-1940 гг., я помню, в каком состоянии находился Пермский университет и как трудно было работать профессорско-преподавательскому составу, а также небольшому коллективу служащих и рабочих университета. Они проявляли трудолюбие, бескорыстное отношение к своим обязанностям, а главное - они были твердо убеждены, что Пермский университет должен существовать.

В то время (1930-1931 гг.) в Ленинградском университете на биофаке, где имелись нормальные условия для учебной и научной работы, находились "лица", которые утверждали, что университеты как учебные и научные учреждения изжили себя. В Пермском университете, несмотря на трудные условия, таких настроений, насколько мне известно, не было.

В дальнейшем, в период 1946–1966 гг, перед коллективом университета стояла более трудная задача, а именно, добиться, чтобы Пермский университет стал крупным ВУЗом. В 1966 г. я была в Перми на юбилее, посвященном 50-летию со дня основания Пермского университета, где особо подчеркивали, что, несмотря на годы войны и другие трудности, успехи коллектива были большие. Действительно, Пермский университет стал ведущим ВУЗом РСФСР. Внимательно прочтя еще раз газету, особенно стр. 1,2,6 – Ваш очерк о С.Н. Седых и стихотворение, посвященное А.И.Букереву, я вспомнила ряд моментов из жизни Перми; кроме того, недавно мне удалось обнаружить несколько писем А.И.Букерева и др., которые я получала в 1939–1942 гг. Я решила Вам написать, тем более Вы обращались ко мне с просьбой написать о моей работе в Пермском университете. Это я выполняю, но с большим опозданием. Вопрос, который возникал в то время у работников Пермского университета, а возможно и у Вас, почему я оказалась в Перми – ректором университета. Постараюсь ответить на этот вопрос.

Примечание. Чтобы не усложнять основной текст, по ходу изложения будут даны некоторые пояснения в виде приложения. Сознательно мною уделено большое внимание ЛГУ и, в частности, биофаку, который я хорошо знала. Это помогало мне в текущей работе при сравнении условий работы профессорско-преподавательского состава в ЛГУ и в Пермском университете при аргументации своих просьб в Наркомпросе, а также во Всесоюзном Комитете Высшей Школы (ВКВШ).

В августе 1937 г. Наркомпрос РСФСР предложил ректорату Ленинградского университета рекомендовать из профессорско-преподавательского состава ЛГУ кандидатуру на должность ректора Пермского университета. В начале сентября 1937 г при обсуждении в ректорате и парткоме было решено рекомендовать меня ректором Пермского университета. Для меня это было неожиданностью, большим

огорчением и тревогой (см. приложение I). Во второй половине сентября 1937 г я была вызвана в Наркомпрос, все мои необходимые документы были высланы ректоратом. В Наркомпросе я была впервые, однако Чистые Пруды, где был Наркомпрос, хорошо представляла.

В то время многие в нашей стране знали о многих постановлениях и мероприятиях, посвященных просвещению и культуре, и о первом Наркоме А.В.Луначарском (1917-1929 гг) А.В. Луначарский неоднократно приезжал в Ленинград и участвовал в диспутах, которые проходили в филармонии. Когда я была студенткой ЛГУ, мне посчастливилось присутствовать на диспутах, в которых участвовал А.В.Луначарский. Он, как известно, был исключительно эрудированным, блестящим оратором.

В отделе Наркомпроса, куда входили университеты и другие ВУЗы, я хотела выяснить ряд вопросов о Пермском университете. Меня познакомили с инспектором, который должен был ехать со мной, чтобы там на месте решать тот или иной вопрос и в чем нужна будет помощь Наркомпроса. В тот момент отдел должен был подготовить документы о моем назначении в Пермский университет. Однако окончательное решение о моем назначении было принято после беседы в ЦК ВКП(б) с Наркомом А.С.Бубновым и Б.М.Кедровым. При мне позвонили в ЦК ВКП(б) и узнали, когда меня может принять Б.М.Кедров. Беседа проходила в несколько иной форме, чем я предполагала. Она носила, насколько я помню, характер инструктажа. Он сказал, что с моими документами он знаком, и у него нет ко мне вопросов. Затем сформулировал какие задачи должны быть выполнены за время 3-х летней работы в Пермском университете. Первое: добиться нормальной обстановки в коллективе университета, обеспечить нормальную учебную и хозяйственную работу и т.д. Местные партийные организации должны были помочь. На мой вопрос, а если я не справ-

люсь — как быть? Насколько я помню, последовал категорический ответ: "Об этом не может быть и речи, сейчас происходит обновление кадров, трудно, но надо сделать все возможное".

Второе: подготовить себе смену из профессорско-преподавательского состава Пермского университета.

Затем Б.М.Кедров познакомил меня со своим помощником (Ф.И.О. забыла), но запомнила, что он был внимательный человек, дал мне свой служебный телефон. Когда я приезжала в Москву, иногда из Наркомпроса ему звонила. Он помогал мне советом или звонил тому, кто мог мне помочь. С Б.М.Кедровым я больше не беседовала.

Предстояла беседа с А.С.Бубновым. Я не представляла себе как будет проходить наша беседа. Когда я вошла в кабинет, то он показался мне огромным, остановилась и вижу А.С.Бубнова, который вышел из-за стола и пошел мне навстречу. Приветливо поздоровался, когда я села, он спросил, нет ли у меня к нему вопросов. Я поняла, что он хочет облегчить мне беседу. Кратко рассказала о беседе в ЦК и сказала, что у меня нет уверенности, что я справлюсь с работой в Пермском университете, тем более, если в университете такая обстановка. Помню, А.С.Бубнов сказал, что возможно это преувеличение, на месте будет виднее. Затем добавил, что познакомился с моими документами и сказал: "У Вас опыт педагогической, административной и научной работы. Кроме того, Вас рекомендовал ректорат, партком ЛГУ — это солидная организация". Насколько я помню, А.С.Бубнов сочувственно добавил, что, конечно, у Вас будут трудности, и посоветовал, когда будут трудные и сложные вопросы, не торопиться делать выводы, постараться глубже вникнуть в сущность вопроса. При этом все было сказано в исключительно доброжелательной форме, и в ряде случаев я старалась следовать советам А.С.Бубнова. Беседа заканчивалась, оставалось только подписать два документа у Наркома. В это время вошел секретарь и ска-

зал, что звонят из ЦК. Я хотела уйти, но А.С.Бубнов остановил меня, предполагая, вероятно, что разговор будет кратким. Однако, я оказалась случайным свидетелем довольно сложного и, по-видимому, неприятного для А.С.Бубнова разговора. Мне запомнилось, что в голосе чувствовалась горечь, обида, вспоминался В.М.Молотов (пред. Совнаркома), его приемная, где А.С.Бубнову приходилось ждать часами, днями, чтобы получить ответ, порой по второстепенным вопросам. Мне показалось, что А.С.Бубнов был очень расстроен и мне было крайне неудобно, что я присутствовала при таком разговоре. Однако, он был человеком вежливым, подписал мое заявление о разрешении мне поехать в Пермь после Всесоюзного съезда физиологов, биохимиков и фармакологов, который проходил с 12 по 18 октября в Тбилиси, где я была докладчиком, пожелал мне успехов в работе. В приемной я поделилась с секретарем, сказав, что беседа прошла очень хорошо, но, к сожалению, я присутствовала при таком разговоре. Секретарь ответил, что у А.С.Бубнова много неприятностей (это я запомнила). Когда я приехала в Наркомпрос в 1938 г., А.С.Бубнова и его секретаря не было. В отделе ВУЗов я узнала, что приказ о моем назначении будет 2.10.37 г. На следующий день я получила необходимые документы и договорилась, что на обратном пути из Тбилиси я должна буду сделать остановку в Москве, чтобы окончательно договориться об отъезде из Ленинграда в Пермь. Из Москвы должен был поехать инспектор, чтобы помочь мне устроиться в гостинице, а главное, представить меня в университете, точнее, познакомиться с зам.директора (в Перми слово "ректор" в то время не употреблялось; в ЛГУ был всегда ректор), также с секретарем парторганизации; заседание Ученого совета университета решили не проводить.

Таким образом, через 11-12 дней после солнечной Грузии, приветливых грузин и оживленных делегатов съезда, я покинула Ленин-

град и приехала в довольно прохладную Пермь. Меня встречал инспектор и кто-то из университетских сотрудников, точно не помню. Гостиница была в центре города, большая, но не уютная. Я точно не знала, сколько мне предстоит в ней прожить. В этот же день я была в университете, инспектор познакомил меня с зам.директора Д.Е.Харитоновым и секретарем парткома А.И.Букеревым. Они встретили меня приветливо. На следующий день решили снова собраться, чтобы обсудить только те необходимые вопросы, которые могут быть решены с помощью Наркомпроса, тем более инспектор обещал помочь. В тот же день он уезжал в Москву. Я поблагодарила его за неоднократную помощь мне как в Москве, так и особенно в Перми. К сожалению Ф.И.О. его я забыла, но хорошо помню, что мне ^{было} грустно, когда он уезжал. С А.И.Букеревым и Д.Е. Харитоновым договорились, что текущие дела следует отнести на 9-10 ноября, так как наступали предпраздничные дни 20-летия Великой Октябрьской революции. На торжественном заседании доклад мне понравился как по содержанию, так и по форме. Кажется, делал К.С.Бочкарев (возможно, я ошибаюсь).

Несколько слов о К.С.Бочкареве. Насколько я помню, он был одним из эрудированных и опытных преподавателей общественных предметов и к тому же интересным собеседником. Он был политработником в Халкин-Голе и участником Великой Отечественной войны. Неоднократно был награжден. Как сложилась у него жинь после войны - не знаю.

В дальнейшем, работая в контакте с А.И.Букеревым и Д.Е.Харитоновым, я неоднократно убеждалась, что они были доброжелательными и порядочными людьми. Конечно, многие вопросы нами воспринимались и оценивались по-разному, но я не помню, чтобы почти за 3 года между нами возникали серьезные недоразумения, которые ме-

шали бы работать и объективно оценивать те или иные события. Мне кажется, это можно объяснить тем, что мы относились друг к другу с уважением и не старались навязывать друг другу свое мнение. Мне повезло, что с двумя лицами, с которыми у меня должен быть постоянный контакт, утанавились нормальные, хорошие отношения.

После праздника 20-летия Октябрьской революции я решила познакомиться с главбухом (Федором Петровичем, фамилию не помню), чтобы получить представление о бюджете университета на текущий год, хотя оставалось 1,5 месяца до конца года, и выяснить смету на 1938 год, чтобы представить реальные возможности и, если будет необходимость, обратиться в Наркомпрос за помощью. Я обратилась к секретарю канцеляции с просьбой передать главбуху, чтобы он пришел ко мне. Секретарь смущенно сказала, что сегодня его нет, а завтра он будет занят. Мне стало ясно, что он не хочет встречаться со мной. По существу, он должен был прийти сам, зная, что я почти целыми днями нахожусь в кабинете, тем более бухгалтерия находилась рядом. Обратилась к А.И.Букереву и Д.Е.Харитонову, насколько я помню, они мне также сказали, что волноваться не стоит, главбух - с некоторыми странностями, но опытный бухгалтер и все будет хорошо. В дальнейшем у меня с главбухом установились нормальные отношения, я не помню каких-либо недоразумений между нами. (См. письмо 6-е А.И.Букерева - "Федор Петрович - он о Вас отзывается с большим уважением, говорил, что Прохорова очень хорошо знала финансы и очень часто Вас вспоминает"). Мои первые встречи можно рассматривать как "курьезный" эпизод. Однако в ноябре 1937 г. от меня потребовалось много выдержки, чтобы разговор с главбухом не превратился в скандал, но этот эпизод имел частный характер, поэтому я решила изложить его в приложении (приложение 2).

Кроме текущих дел я продолжала знакомиться с состоянием факультетов: кадры, студенты, помещения, оборудование и т.д. У меня создалось впечатление, что наиболее благополучным являлся биологический факультет. Из 7 кафедр 4 возглавляли профессора, кроме того, при факультете была биологическая станция на Каме, где проводилась научно-исследовательская работа и проходила летняя практика студентов.

На химическом факультете, насколько помню, было 4 кафедры, из них 2 кафедры возглавляли профессора. Помещения были менее приспособлены, чем у биологов, однако, на факультете проводилась интенсивная научная и учебная работа. Часть преподавателей были связаны с химическими учреждениями (предприятиями), для которых нужны были химики — факультет подготавливал специалистов химиков.

Более сложная обстановка была на геологическом факультете, где было также 4 кафедры (?), профессоров не было. Однако средний состав преподавателей (доценты, старшие преподаватели) были достаточно квалифицированными и энергичными. Ряд из них, а также студенты участвовали в геологических экспедициях. Однако при проведении учебных занятий остро ощущался недостаток в минералогических экспонатах. Решили обратиться за помощью в Наркомпрос, это было в 1938 году. В то время в Свердловском университете происходила реорганизация и Наркомпрос нашел возможным выделить часть минералогических экспонатов геологического факультета Свердловского университета и передать геологическому факультету Пермского университета. Наши геологи были очень довольны, я тоже была рада, что помогла им.

Совершенно неблагополучно было в Пермском университете с физиками и математиками. При том количестве специалистов и их квалификации не могло быть и речи о создании физико-математического факультета. Даже для нормальной подготовки биологов, геоло-

гов и химиков необходимы были квалифицированные преподаватели физики и математики. В начале 1938 г пришлось обращаться в Наркомпрос, там отнеслись с должным пониманием и во второй половине 1938 г к нам был направлен А.Н.Чибисов – проректором университета и преподавателем математики. Он закончил физмат МГУ и, насколько я помню, среди физиков и математиков Пермского университета он был первый кандидат наук. В дальнейшем А.Н.Чибисов являлся ответственным за преподавание физики и математики в университете.

В связи с принятием в 1938 г Конституции блока коммунистов с беспартийными в декабре 1937 г, проходили выборы в Верховный Совет СССР. В то время это было крупное событие в нашей стране. Кроме общих мероприятий партком, ректорат, ВЛКСМ и другие общественные организации университета принимали участие в подготовке избирательного участка, который был в главном здании Пермского университета. Все было подготовлено, большинство избирателей проголосовало примерно к 13 часам, остальные пришли не позднее 14–15 часов. После проверки алфавитных списков, оказалось, что не проголосовали студенты, живущие в общежитиях. Их было 20–25 человек, они пошли в лыжный поход и должны были вернуться к 14 часам или не позднее 15 часов. Они не вернулись к 18, 20 и даже к 22 часам. Делались различные предположения, что могло с ними случиться, я очень волновалась. Примерно в 23 час 30 мин или 23 час 45 мин шумно входят лыжники и весело говорят: "Вот и мы". На избирательном участке была не только счетная комиссия, но и представители ректората, парткома, ВЛКСМ и т.д. Кто-то из присутствующих взволнованно и даже возмущенно сказал: "Что Вы думали? Ведь мы здесь все волновались за вас", и вдруг я слышу в ответ громкий голос: "А мы решили – пусть поволнуются". Я была огорчена, мне показалось, что это было сказано жестоко, тем более студентами-физкультурниками.

При ознакомлении с главным зданием я была удивлена тем, что там нет студенческого гардероба. Мне объяснили, что в вестибюле для него нет места. В связи с этим студенты часто сидели в аудиториях в верхней одежде или бросали ее, где есть место в той же аудитории. Студенты, живущие в общежитии, независимо от погоды, не пользовались верхней одеждой. В дальнейшем, несмотря на все трудности, студенческий гардероб был сделан (приложение 3).

Выше я писала, что меня огорчили студенты, ушедшие в поход в день выборов, при этом не думая, что мы будем волноваться. Я решила познакомиться со студентами и прежде всего живущими в общежитиях. Я предполагала, что мне будет задано много вопросов о недостатках, которые имели место в общежитиях, в учебном процессе и т.д. Эти вопросы задавались редко, это, вероятно, можно объяснить тем, что большинство студентов приехали из небольших городов и поселков, где им приходилось делать все самим. Меня несколько удивило, что почти никто из студентов не говорил, что они хотят работать и жить в Москве или Ленинграде или поехать поступать учиться в аспирантуру и т.д. Когда я задавала вопрос им, хотят ли они поехать в Москву, Ленинград, они были несколько удивлены моим вопросом. Ответы были разные: одни выражали свои мысли и желания лаконично, другие аргументировали; одни говорили спокойно, другие эмоционально. Все говорили, что они хотели бы поехать в Москву и Ленинград посмотреть, если можно поучиться, так как, вероятно, там много специалистов более подготовленных. Однако, они почти все хотели работать на Урале, мотивируя это тем, что Урал — большой промышленный центр, где нужны специалисты. При этом отмечали, что не обязательно работать в Перми, Свердловске, на Урале много городов, где нужны специалисты. Беседы со студентами в общежитиях проводились мною в основном в 1938 году.

II

В газете, посвященной 70-летию со дня основания Пермского университета (стр.2), я прочла: "Вчерашние воспитанники Пермского университета являлись костяком новых высших учебных заведений", при этом указывается, что именно Пермскому университету во многом обязано развитие сети ВУЗов в ряде крупных городов Урала и Зауралья. Об этом мечтали выпускники Пермского университета 1938-1940 гг, но многие из них выполнили свой долг, участвуя в Великой Отечественной войне. Отрадно, что традиция - работать на Урале - сохраняется выпускниками Пермского университета и в наши дни, словом студенты-пермяки любят свой Урал.

Зимняя сессия в общем прошла благополучно. Следует отметить, что Наркомпрос не регламентировал столь строго учебный процесс, что делает в настоящее время Минвуз РСФСР. В этом отношении работать было легче.

В начале 1938 г не успели закончить студенческий гардероб, как возникла новая хозяйственная проблема рационального использования мансарды главного здания. Для этого требовалась значительная сумма денег, поэтому необходимо было обратиться в Наркомпрос о выделении средств и включении их в смету Пермского университета на 1939 г. В связи с этим была предпринята поездка в Москву.

В Наркомпросе произошли изменения, к сожалению, не было А.С. Бубнова, его секретаря и т.д. В 1938 г зав.отделом ВУЗов, насколько я помню, был уже тов. Щеглов (и.о. не помню), он посоветовал записаться на прием к Наркому тов. Тюркину (и.о. не помню), т.к. требовались значительные средства, а финотдел, вероятно, отказал бы. Была принята Наркомом, кратко изложила, для какой цели нужны деньги, сказав несколько слов об истории Пермского университета и в каком состоянии находится Пермский университет после реорганизации университетов 1930-1931 гг. Финотдел Наркомпроса был недоволен, что я обратилась к Наркому, но я понимала, что если бы я

обратилась в финотдел, вряд ли они без Наркома смогли бы выделить такую сумму. Я постаралась их убедить, что это крайне необходимо. Установили точно срок, когда и в какой форме послать документацию. Все было прислано в срок и необходимые средства были включены в смету на 1939 г.

Бывали неприятности, вызванные недоразумениями. Директор Педагогического института предъявил в университет ходатайство на имя Наркома просвещения о передаче одного общежития Педагогическому институту с резолюцией Наркома о целесообразности передачи общежития Педагогическому институту. В Перми этот вопрос обсуждался на разных уровнях: в университете, райкоме КПСС, горкоме и т.д. Было проверено много документов, подтверждающих, что общежитие всегда принадлежало университету и в этом общежитии жили только студенты университета. Пришлось мне ехать в Москву, обращаться в ЦК к помощнику Б.М.Кедрова, беседовать в Наркомпросе, была на приеме у Наркома просвещения тов. Туркина. Нарком отменил решение о передаче общежития Педагогическому институту.

В июне или сентябре 1938 г (точно не помню) я была в Наркомпросе и два раза видела Н.К.Крупскую. В то время она была зам. Наркомпроса по культпросвету (библиотеки, клубы, избы-читальни и т.д.). В первый раз, подойдя к зданию Наркомпроса, я увидела Н.К.Крупскую; они приехала с одной из дочерей И.Ф.Арманд. Трудно было определить, больна Надежда Константиновна или устала, шла она медленно по коридору и лестнице. Однако, мне запомнилось, что там, где шла Надежда Константиновна, все останавливались и стояли, пока она не пройдет, и ниже, чем обычно, кланялись. Минутами молчания и низким поклоном присутствующие хотели выразить Н.К.Крупской свое глубокое уважение.

В ноябре 1935 г Советским Правительством было проведено Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц - стахановцев в

Кремле. Было приглашено много новаторов производства, имена которых были хорошо известны в стране. В последующие годы Советским Правительством проводились встречи в Кремле с новаторами производства по отдельным отраслям промышленности: угольной, машиностроения, железнодорожного транспорта, текстильной промышленности и т.д. В 1938 г была проведена встреча Советского Правительства с работниками ВУЗов и учеными, я была приглашена на эту встречу. Первое заседание было проведено в Доме ученых. Доклад был сделан В.М.Молотовым — он был председателем Совнаркома СССР. В начале остановился на общем положении СССР, далее он осветил роль стахановского движения, приводя примеры новаторов по отдельным отраслям промышленности. Насколько помню, очень кратко остановился на роли высшей школы и ученых. Вторым докладчиком был И.Д.Папанин — начальник дрейфующей станции "Северный полюс-1". Четыре героических человека: И.Д.Папанин, Э.Т.Кренкель, П.П.Ширшов и Е.К.Федоров не только находились 274 дня (август 1937—февраль 1938 г) на движущейся льдине, но и вели систематические наблюдения. Доклад был очень интересный. И.Д.Папанин рассказал о жизни на дрейфующей льдине, а также о поездке в Скандинавские страны. Докладчик обладал несомненно неиссякаемым юмором. Рассказывая даже о сложных, почти трагических ситуациях, он приводил комические моменты. Кроме В.М.Молотова и И.Д.Папанина, насколько я помню, не было докладов (сообщений) ни работников ВУЗов, ни ученых, поскольку это было не совещание, а встреча.

На следующий день был прием в Кремле, в Георгиевском зале, по середине которого был красный ковер. В Георгиевском зале было много курсантов Кремлевского училища, кто-то спросил, почему так много курсантов. Один из курсантов, улыбаясь, сказал: "Вас охраняем". По ту и другую сторону ковра были расставлены столы (на

4 человека) таким образом, чтобы к каждому столу можно было подойти. Это облегчало знакомство участников встречи с новаторами производства и другими известными людьми того времени. Стол, за которым было мое место, находился относительно близко от президиума, поэтому я запомнила несколько членов президиума. Они располагались справа налево в таком порядке: Сталин, Чкалов, Ежов, Каганович. Кто был из профессорско-преподавательского состава от ВУЗов и ученых не помню, вероятно, кто-то был. В начале было краткое приветствие. После приветствия — обед, в то же время знакомство с новаторами производства и т.д. Тех, кто сидел за нашим столом, познакомили со Стахановым, он произвел хорошее впечатление. Вероятно, он тогда не привык к славе и вел себя скромно. Когда мы его спрашивали, как он достиг такого рекорда, Стаханов неоднократно повторял, что не он один, а вся его бригада дружно, хорошо работает. Затем нас познакомили с П.П.Ширшовым — одним из членов дрейфующей станции "Северный полюс-1". Он спросил: "Есть ли у Вас вопросы?". Мы поделились с ним, какое впечатление на нас произвел доклад Папанина. Несколько минут побеседовали с П.П. Ширшовым, пожелали всем полярникам успехов, доброго здоровья. Конец встречи участников с Правительством, насколько я помню, проходил так: часть членов президиума (Сталин, Ежов, Каганович и др.) спустились вниз, прошли вдоль зала, при этом все вставали и аплодировали. На этом кончилась встреча.

Во второй половине 1938 г проходила подготовка к новому учебному году. В общем жизнь в Пермском университете протекала нормально. Это в значительной мере было подтверждено в Горькоме ВКП(б) при обсуждении работы ВУЗов в Перми, в том числе и в Пермском университете в феврале 1939 г. Для меня это было важно, т.к. направляя меня в Пермский университет, в Наркомпросе обязывали ме-

ня добиться нормализации не только учебного процесса, но и всей жизни университета.

За время работы в Пермском университете я впервые решила взять отпуск на 1,5 мес и пожить в Ленинграде, где жили почти все мои родственники и близкие друзья. Во время отпуска сотрудники Пермского университета меня не забывали (см. письмо проректора А.Н.Чибисова от 11.03.39 г). К сожалению, в марте 1939 г. скончался мой научный руководитель Е.С.Лондон – ученый с мировым именем, доброжелательный и мудрый человек. Будучи в ЛГУ я договорилась о возможности прохождения практики студентами-физиологами животных Пермского университета на кафедре физиологии человека и животных (зав.кафедрой был академик А.А.Ухтомский). Этим студентам я читала курс "Биохимии", они проявляли большой интерес и были трудолюбивыми и скромными в отношении своих знаний, несомненно были наблюдательными (см. письмо бывшей студентки Н.Афанасьевой, стр. 2,3,4). Когда мне пришлось писать воспоминания об А.А.Ухтомском, то я привела выдержки из писем бывших студенток Пермского университета Н.Е.Афанасьевой и Орловой (см.стр. 3,4). А.А.Ухтомский был не только крупнейшим ученым, мыслителем, исключительно ярким, оригинальным, самобытным человеком, но и замечательным педагогом – учителем ("Биохимические основы метаболизма". Нервная система, вып.21, изд.ЛГУ).

В юнце апреля я вернулась в Пермь, жизнь в университете шла в основном нормально, готовились к весенней сессии, включая госэкзамены, а также к приему нового контингента студентов 1939/1940г. Неожиданное известие – срочная мобилизация ряда преподавателей университета, включая и военные кафедры. Из Пермского университета было мобилизовано 7–8 человек: А.И.Букирев, К.С.Бочкарев, Ф. Некрасов, Гусев, Попов, Титов, Г.Ф.Черелювский. Мобилизация затронула и другие ВУЗы и учреждения Перми. Мне казалось, что А.И.

Букирев из всех мобилизованных в университете, был наиболее неприспособленным к военной жизни, а тем более к немедленному участию в боевых действиях, но я оказалась не права. Первое письмо от 16.06.39 г. я получила от А.И.Букирева, оно было посвящено заботам об университете, а второе от 15.08.39 г и третье, и четвертое, которые у меня сохранились, он пишет как волевой командир (см. письма из Читы, 1939 г). Однако, когда А.И.Букирев обращался с просьбой от своего имени или от имени своих товарищей, которые были в Монголии, все выражалось в очень деликатной форме. Читая письма через 48 лет (т.е. в 1987 г), я думаю, какие они были скромные люди. Почти одновременно я получила извещение, что погиб политрук тов. Некрасов – он был одним из перспективных преподавателей Пермского университета (жена его – Лариса Александровна Первухина – жива).

В конце года начали возвращаться преподаватели из Монголии. Всем нужен был не только отдых, но и основательное лечение. В наиболее тяжелом состоянии был А.И.Букирев. К счастью, его жена была врачом, она очень много сделала, чтобы восстановить его здоровье.

Из событий вне университета в учебном 1939/1940 г мне запомнилось совещание, которое было специально посвящено университетам РСФСР, оно проходило в конце 1939 г или в начале 1940 г. Организатором, насколько я помню, был ВКВШ. В работе совещания принимали участие С.Кафтанов, А.Вышинский – он был в то время заместителем председателя Совнаркома СССР по культуре (в 1935–1939 гг он был прокурором СССР) и зав.отделом университетов Наркомпроса тов. Щеголев. Приглашены были все ректоры университетов РСФСР, присутствовали сотрудники ВКВШ и 2–3 директора гуманитарных институтов Москвы. Ректорам университетов предлагалось представить

отчет о работе, на основании которого каждый должен был сделать доклад на 15 минут. В президиуме были С.Кафтанов, А.Вышинский, Щеглов. Краткое вступление сделал С.Кафтанов. Затем с докладом выступил А.Вышинский. Он остановился на истории возникновения университетов (Испания, Италия, Франция), пояснил значение ректора — как управителя, руководителя. Дальше остановился на роли ректоров университетов в нашей стране, отметив, что ректоры часто выполняют обязанности завхозов, коменданта и т.д. После перерыва начались выступления ректоров. По-видимому, отчеты представлялись по определенной форме, сначала отмечались положительные стороны жизни университетов, а затем отрицательные, т.е. недостатки. Порядок был такой — как только объявляли кто выступает, Щеглов передавал А.Вышинскому отчет данного докладчика, он его читал по диагонали, причем очень быстро обнаруживал противоречия между достижениями и недостатками и задавал вопросы выступающему по этому поводу; докладчик старался кратко объясниться. Далее следовала реплика — учтите, продолжайте; чувствовалось, что А.Вышинский был прокурором, причем в такое время как 1935–1939 гг. Затем он перестал читать отчеты и некоторое время просто слушал и делал лаконичные реплики по выступлениям.

В своем выступлении я начала с основания Пермского университета с помощью Ленинградского университета в 1916 г., причем за сравнительно короткий срок (14–15 лет) Пермский университет стал крупным ВУЗом. Однако в результате реорганизации университетов в 1930–1931 гг, когда крупные факультеты Пермского университета были превращены в 5 самостоятельных институтов, Пермский университет оказался в тяжелых условиях (см. стр.7). Привела при этом пример о том, что в ЛГУ многие кафедры имеют больше профессоров, чем весь Пермский университет. Реплика: "Приведите примеры". Это мне было сделать легко, например, на кафедре биохимии — 5 профессоров,

на кафедрах физиологии человека и животных и Физиологическом институте – больше 10 профессоров, на двух кафедрах: генетики животных и генетики и селекции растений – 10 профессоров. Далее я указала, что такое положение не только на биологическом факультете, но и на других факультетах ЛГУ. Реплика, "Надо помочь".

Насколько я помню, пока присутствовал А.Вышинский, обстановка на совещании была напряженной. Хотя в то время присутствующие, во всяком случае большинство, и со той доли не знали о тех юридических преступлениях и кощунствах, которые проявлял А.Вышинский к безвинным и беззащитным подсудимым, будучи уверенным в безнаказанности своих злодеяний.

После ухода А.Вышинского обстановка стала нормальной. Доклады превратились в основном в беседы и дискуссии. Во второй день совещания ответственные работники ВКВШ и Наркомпроса беседовали с ректорами университетов РСФСР. При этом не только знакомились с состоянием университетов, но рекомендовалось наметить мероприятия по восстановлению и развитию университетов.

Примером может служить такой факт. Когда я была уже в Ленинграде, получила письмо от А.И.Букирева (см, письмо от 5 мая 1941 г), он сообщал, что в Пермь приезжал Щеголев (зав.отделом университетов Наркомпроса). Он пробыл в Перми 9 дней, не только ознакомился с университетом, а главное – были намечены необходимые мероприятия по восстановлению и расширению университета. Мне было приятно узнать, т.к. я неоднократно просила Щеголева приехать в Пермь и на месте убедиться в необходимости помощи Пермскому университету. В заключение следует отметить, что совещание, проведенное в то время с участием ВКВШ и Наркомпроса РСФСР, было своевременным и необходимо, особенно для таких университетов как Пермский и др. Это было началом восстановления университетов в

нашей стране. Оставалось примерно 1,5 года до 22 июня 1941 года (фашистского нападения). Однако за этот промежуток времени университетами, в том числе Пермским были разработаны планы восстановления и расширения университетов. Они не могли быть осуществлены. Однако после войны в 50-е годы намеченные мероприятия способствовали более быстрому восстановлению и расширению университетов. Примером также может быть Пермский университет. В связи с 50-летием Пермского университета я была в Перми. В то время не только нормально функционировали естественные факультеты, но особенно отрадно было, что гуманитарные факультеты активно участвуют в подготовке специалистов: филологов, историков, экономистов и т.д.

Наступил 1940 г., мне оставалось работать в Пермском университете 6-7 месяцев. Естественно, вставал вопрос, кого рекомендовать ректором из профессорско-преподавательского состава Пермского университета. Единодушным было мнение коллектива университета и парторганизаций райкома и горкома ВКП(б) Перми - рекомендовать ректором Пермского университета А.И.Букирева. К тому времени он значительно восстановил свое здоровье, март и апрель был в Крыму, в Симеизе - в санатории, и к 1 мая вернулся в Пермь (см. письмо А.И.Букирева). Мне оставалось работать в Пермском университете 3 месяца - до 1 августа, т.к. в августе-сентябре у меня был отпуск и с 1 октября я начала снова работать в ЛГУ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение I. В 1924 г (сентябрь) я окончила физико-математический факультет ЛГУ. В Ленинграде функционировал Институт мозга, при нем был отдел НОТ (научная организация труда). В этом отделе после окончания университета я работала, во второй половине 1925 г. отдел был закрыт. В Москве в 1925 г также был закрыт Центральный Институт Труда (ЦИТ). К сожалению, эти исследования в нашей стране резко сократились. Я решила ехать работать учителем в деревню. Мне стало известно, что в Вытегорском районе (тогда этот район входил в состав Ленинградской области) в селе Девятины на базе начальной школы Водного транспорта организуется 7-летняя школа. В этой школе я проработала с 1925 по 1931 г. Все 6 лет я преподавала математику, физику, иногда биологию и химию. Кроме работы в школе я, как большинство сельских учителей, принимала активное участие в общественной жизни села. В начале 1928 г. я вступила в ряды ВКП(б), последние 3 года была заведующей школой. Когда началась коллективизация в Вытегорском районе, местная парторганизация прикрепила меня к правлению Девятинского колхоза. Эта работа отнимала у меня не только много времени, но и много сил, энергии, так как в период коллективизации было много трудностей, но, к сожалению, было сделано и немало ошибок.

В 1930 г вышло постановление Правительства СССР о подготовке научных кадров путем расширения аспирантуры. При этом рекомендовалось принимать в аспирантуру лиц, имеющих опыт практической работы. Профсоюзная организация Лодейнопольского округа работников просвещения с согласия Вытегорского райкома ВКП(б) рекомендовали меня в аспирантуру. Таким образом, в 1931 г я вернулась в Ленинградский университет, где за 6 лет моего отсутствия произошли большие изменения как в структуре, так и в стиле учебной и научной работы.

В 1924 г в ЛГУ, несмотря на большое количество студентов, было всего 2 факультета: ФОН (факультет общественных наук) и физико-математический факультет. Позволю себе остановиться на физмате, поскольку я окончила этот факультет. Начиная с 1922/1923 гг и в последующие годы внутри физико-математического факультета создавались отделения (сектора): математико-механическое, физическое, химическое, биологическое, геологическое и позднее географическое. Реорганизация Ленинградского университета и организация факультетов началась в 1930/31 г и завершилась в 1934-35 г. При этом следует отметить, что в целях более интенсивного развития научных исследований в ЛГУ Наркомпросом РСФСР с 1927/29 гг и в последующие годы (А.В.Луначарским и А.С.Бубновым) разрешалось приглашать в качестве профессоров университета крупных ученых, разрабатывающих новые научные направления. В тех случаях, когда количество часов было значительно меньше установленного для профессоров, это компенсировалось участием приглашенных ученых в руководстве научными исследованиями и подготовке научных кадров. Тем более, что в 1930 г в ЛГУ был расширен прием в аспирантуру, в том числе и на естественные факультеты. Все эти мероприятия несомненно способствовали созданию новых кафедр и лабораторий и организации на каждом факультете научно-исследовательских институтов: Математико-механический НИИ, Физический НИИ, Химический НИИ, Геологический НИИ (Институт Земной коры), Географо-экономический НИИ (ГЭНИИ).

В состав биологического факультета входило 15 кафедр и 2 НИИ. Биологический НИИ основан в 1920 г. Это был первый Естественно-научный институт в нашей стране; распоряжение об открытии Института было подписано В.И.Лениным. По решению Наркомпроса РСФСР в 1934 г создан Физиологический институт, первым директором института был академик А.А.Ухтомский.

Таким образом, в период 1935–1937 гг биофак представлял собой солидный учебный и научный комплекс. При этом в его состав входили 2 НИИ, общее количество лабораторий составляло 24–26, что же касается 15 кафедр, то они, как правило, располагали солидным составом высококвалифицированных специалистов. На 12 кафедрах было от 3 до 5 профессоров и только на 3-х – кафедре дарвинизма, энтомологии и гистологии-цитологии – было 1–2 профессора. Как правило, руководителями лабораторий были заведующие кафедрами или профессора кафедр. Такими же солидными комплексами являлись и другие факультеты, включая НИИ: математический, химический, геологический; несколько меньше был географический факультет.

Как мне кажется, следует отметить два фактора, которые способствовали становлению и успешному развитию факультетов и институтов в Ленинградском университете: Первое. В 30-е годы для большинства наук, кроме физиков, в том числе для биологических наук, включая биохимию, не требовалось больших затрат на оборудование (отечественного и тем более импортного), можно было работать в самых скромных условиях. Второе. Наркомпрос РСФСР материально мало помогал, т.к. он располагал довольно скромными средствами, выделенными государством. В то время Наркомпрос объединял не только ВУЗы, но и школы (начальные и средние), а также культпросвет учреждения (библиотеки, клубы, избы-читальни). Наркомпрос в период, когда наркوماми были А.В.Луначарский и А.С.Бубнов, не пытался регламентировать разнообразную жизнь ВУЗов и особенно ЛГУ. Как уже указывалось, в ЛГУ работало большое число крупных ученых, включая и академиков. Тем более Академия наук СССР располагалась на Университетской наб. д.5, а ЛГУ – на Университетской наб.7/9. На биофаке, как на других естественных факультетах ЛГУ, в первой

половине 30-х годов закончился организационный период. На биофаке в это время наблюдался подъем как научной, так и учебной работы на кафедрах и в двух институтах. В тот период было интересно работать.

Позволю себе кратко остановиться на своей работе в ЛГУ с 1931 года по 1937 год, т.е. до отъезда в Пермский университет. Поступая в аспирантуру, мне было известно, что на биофаке организована первая в Советском Союзе кафедра биохимии. Я закончила биологическое отделение физико-математического факультета. Наряду с биологическими предметами меня также интересовали и химические предметы, тем более химию читали первоклассные лекторы. Таким образом, специальность биохимия включала биологические (физиологические) проблемы, которые возможно было решать химическими методами. Несмотря на отсутствие у меня подготовки по биохимии, я решила поступать в аспирантуру на кафедру биохимии. Возглавлял кафедру крупный ученый Е.С. Лондон. Он был моим научным руководителем.

Мне пришлось преодолеть много трудностей. Достаточно вспомнить, что перерыв между окончанием университета и поступлением в аспирантуру был 7 лет. Кроме того, моя работа (школа, колхоз) не имели ничего общего с предстоящей работой в период аспирантуры. Правда, в деревне я научилась работать и ценить время. Серьезной трудностью явилось то, что мне необходимо было в короткий срок ознакомиться с основными направлениями в биохимии того времени. В 30-е годы биохимия стала интенсивно разрабатываться за рубежом. В 1934 г я, будучи аспирантом, стала преподавать студентам, была зачислена ассистентом в штат биофака. В начале 1935 г. защитила диссертацию, тема была актуальной и перспективной, поэтому для дальнейшей разработки этого направления я была зачислена старшим

научным сотрудником Физиологического института ЛГУ (тогда разрешалось совместительство внутри университета). Итоги своей научной работы я докладывала в 1934 году на У (Москва) и в 1937 г. на УІ (Тбилиси) Всесоюзных съездах физиологов, биохимиков и фармакологов, в 1935 г. на XV Международном конгрессе физиологов, который проходил в СССР (Ленинград-Москва).

Во 2-ой половине 1935 г. я была назначена заместителем декана по организационной работе. Таким образом, в период 1935-1937 гг. моя работа проходила в 3-х направлениях: научном, учебном и организационном, но она была для меня интересной, работать приходилось много. Трудно себя оценить объективно, но, как мне кажется, этот период был итогом шестилетней напряженной работы (1931-1937) в Ленинградском университете. Поэтому отъезд в Пермь был для меня большим огорчением и тревогой. Я преимущественно остановилась на учебной и научной работе биофака; аналогичная работа наблюдалась и на других естественных факультетах - наблюдался подъем в работе.

Однако общественная и особенно партийная жизнь в Ленинградском университете протекала в довольно сложных условиях после убийства С.М.Кирова - особенно в 1936-1937 гг. Тем более, если учесть, что парторганизация значительно превышала 1000 человек. В 1935/1937 гг. я была членом парткома ЛГУ, заседания парткома проводились еженедельно, как правило, с 14-15 часов до 21-22 часов. На каждом заседании приходилось разбирать десятки заявлений о членах партии; к сожалению, были и клеветнические заявления, приходилось заявления разбирать, проверять, а затем обсуждать на заседании парткома. Это была трудная работа. Зная сложную обстановку в парторганизации ЛГУ, меня тревожил вопрос - какая обстановка в парторганизации Пермского университета, тем более, что мне рекомендовалось добиться нормальной обстановки в коллективе

Пермского университета. У меня не было уверенности, справлюсь ли я с обязанностями ректора.

В дальнейшем, когда я начала работать, то оказалось, что мои опасения были несколько преувеличенными, хотя трудностей в работе было достаточно. С парторганизацией Пермского университета у меня установились нормальные, доброжелательные отношения. Этому, как мне кажется, способствовали А.И.Букирев и секретарь райкома (ф.и.о., к сожалению забыла, но зато хорошо помню его доброжелательное отношение к Пермскому университету, в том числе и ко мне).

Приложение 2. Я решила познакомиться с бюджетом текущего года, хотя до окончания года оставалось 1,5 месяца, необходимо было выяснить, какие суммы по тем или иным статьям не использованы и как их рациональнее использовать. Естественно, мне нужно было познакомиться с главбухом. Как я уже писала в основном тексте, встреча с главбухом состоялась лишь через несколько дней, несмотря на мою настоятельную просьбу зайти ко мне. Мне стало ясно, что он не хочет встречаться со мной. Д.Е.Харитонов и А.И.Букирев просили меня не волноваться, сказав, что, хотя главбух и человек со странностями, но опытный работник и все будет благополучно. Одна из сотрудниц бухгалтерии рассказала, что сущность заключается в том, что когда главбух узнал, что ректором будет женщина, он был обижен и возмущен за университет и за себя. Он сказал, что не хочет сидеть в тюрьме из-за какой-то ..., но он найдет способ, и она сама сбежит, и при этом мне советовали не волноваться. Помню, я сказала, что если главбух действительно обеспокоен за университет — это хорошо, я думаю, найду способ договориться и попросила А.И.Букирева, как секретаря парткома, обязать главбуха, чтобы он пришел ко мне со всеми документами (бюджет на 1937 г.

и смета на 1938 г). Наконец, Федор Петрович (главбух) пришел, причем он был неряшливо одет, а главное — поверх холщовой рубахи я увидела не только цепочку, но и крест, такие носили старообрядцы. Я так и не узнала, был ли он на самом деле старообрядцем или нет. Не помню, сколько времени пошло на ознакомление со сметой, но не более 10–15 минут. Возвращая главбуху смету, я сказала, что через 3–4 дня мы (я и главбух) должны обсудить смету на 1938 г. и решить, как рациональнее использовать остаток средств на 1937 г. Он ушел, я поняла, что он недоволен.

Несколько слов о себе. В то время у меня была приличная память, особенно легко я запоминала цифровые данные. Преподавая в школе математику, включая и арифметику, я уделяла внимание устному счету, считая необходимым научить учеников считать в уме.

При обсуждении сметы я использовала цифровые данные отдельных статей и вела беседу так, что необходимо было устно считать, причем в самом простом варианте. После 3–4 -х вопросов Федор Петрович заявил, что не может считать в уме и не обязан помнить какие суммы отпущены по той или иной статье. В ответ на это я сказала, что мне говорили о Вас как об опытном бухгалтере, а Вы не можете произвести простые расчеты. Смета утверждена и в Вашем распоряжении было достаточно времени, чтобы запомнить основные данные. Вы же мне смету дали на несколько минут и я не успела ничего записать, но запомнила наиболее важные цифры, так как я, как и Вы, несу ответственность за финансовое состояние в университете. Какой же Вы опытный бухгалтер, если не можете одно, не помните другое и т.д. Далее я сказала примерно так: "Если Вам трудно работать, стоит подумать кого из сотрудников направить на курсы при Наркомпросе, чтобы его в дальнейшем назначить главбухом, а Вы займете его место". Для него было большой неожиданностью, он

был расстроен. Я посоветовала ему подумать. Насколько я помню, в тот же день или на следующий пришли 3-4 преподавателя, сказав, что не только они, но и ряд других преподавателей считают, что я с главным бухгалтером поступила не совсем правильно. Вся история с главбухом им была хорошо известна. Я кратко повторила, как это было. В конце беседы мною было сказано, что, поскольку ректор несет ответственность за финансовое состояние в университете, то финансовые документы подписывать буду я. Кроме того, добавила, что вряд ли стоит недисциплинированность главбуха превращать в событие, в университете много других проблем, над которыми надо думать, как их решать.

Вспомнила беседу в ЦК, где говорилось о необходимости нормализации обстановки в Пермском университете. Разговор с преподавателями был примером того, как ряд лиц, пользующихся в той или иной мере авторитетом, будучи некомпетентными в тех или иных вопросах, считали возможным "диктовать", что надо делать. К сожалению, это повторялось в ряде случаев. По своей инициативе или кто-то посоветовал главбуху, но он через 2-3 дня пришел и сказал, что будет выполнять свои обязанности как следует. Я сказала: "Рада, что Вы пришли к такому выводу и надеюсь, что все будет хорошо". В дальнейшем работа протекала нормально. При моем отъезде в Ленинград он сожалел, что я уезжаю, т.к. при мне он был спокоен, финансовых нарушений не было (см. письмо А.И. 7-е, стр.3 на обор.).

Приложение 3. В начале февраля 1938 г. я получила от сотрудников лаборатории обмена веществ ЛГУ, где я работала до отъезда в Пермь, письмо. В этом письме сообщалось, что проф. В.А.Догель (декан биофака, зав.кафедрой зоологии беспозвоночных) просил мне передать, что из Пермского университета приезжали два биолога

(один из них юнчил и защитил диссертацию в ЛГУ) с целью выяснить ряд вопросов: действительно ли я командирована в Пермский университет на 3 года, а главное, приглашала ли я ряд профессоров и доцентов, не только биологов, но и других специалистов, поехать работать в Пермский университет. Догель заверил их, что я действительно командирована на 3 года, что я никого не приглашала в Пермский университет. До отъезда в Пермь я была зам.декана биофака, поэтому В.А.Догель меня хорошо знал и очень сожалел, что я должна была ехать в Пермь. Кстати, биофак ЛГУ был значительно больше Пермского университета, т.к. в состав входили Биологический и Физиологический институты. Представители Пермского университета побывали также на ряде других кафедр биофака, беседы были краткими и совпадали с тем, что говорил В.А.Догель. Таким образом, с помощью биофака ЛГУ был преодолен еще один барьер. Коллеги Пермского университета напрасно беспокоились, что кто-то приедет из Ленинграда в Пермь. Тем более, что несмотря на сложности и трудности в 1937-1939 гг в Ленинграде было жить значительно легче. В Перми, как и в других городах Урала, в 30-е годы интенсивно развивалась промышленность, в то время как сельское хозяйство приходило в упадок. Крестьяне, глава семьи или вся семья, направлялись в Пермь и другие города Урала. Причем, когда принимали на работу, то мест в общежитии не хватало, рабочие вставали на очередь, чтобы получить место в общежитии барачного типа. Временно рабочие жили в наспех ими же построенных помещениях, используя для строительства старое листовое железо, неструганные доски разной толщины и длины. Эти помещения не имели печей, не было электричества. Эти строения, которые никак нельзя было назвать домами, располагались очень близко друг к другу (скученно) и назывались "шанхаем". Такой участок ("шанхай") находился недалеко от главного здания Пермского университета и студенческих общежитий

барачного типа. В отличие от "шанхая" утепленных, в середине общежития был коридор, а по ту и другую сторону располагались комнаты; в общежитии был электрический свет. Студента сами топили печи, носили воду и, как правило, были довольны. Первое время я довольно часто заходила в общежитие, студенты встречали меня приветливо, жалоб и претензий не было. Охотно вступали в беседы, которые проходили очень доброжелательно. Это можно в значительной мере объяснить тем, что студенты приезжали из небольших городов и деревень, и с детства привыкли помогать родителям. Кроме того, рядом с общежитием располагался "шанхай" и студенты прекрасно знали в каких условиях временно живут приезжие крестьяне, чтобы работать на производстве.

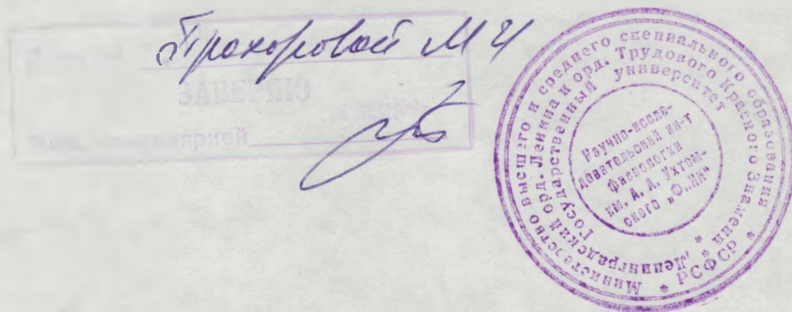
Приложение 4. В 1978 г. О.Н.Зонова обратилась ко мне с просьбой, чтобы я написала о своей работе в Пермском университете. Выполнить эту просьбу было нелегко по ряду причин. Уезжая из Перми у меня было мало документов, фото и др. Кроме того, в сентябре 1941 г. в один из первых массированных фашистских налетов на Ленинград дом (Бронницкая ул.6), в котором жили я и мои родственники, был разрушен, многие вещи, книги и т.д. не удалось сохранить. В 1978 г., когда О.Н.Зонова обратилась ко мне с просьбой, я была зав.лабораторией Обмена веществ, а также на общественных началах руководила проблемной лабораторией Нейрохимии, являлась профессором кафедры биохимии (вела спецкурсы, руководила аспирантами). Для меня оказалось невозможно совмещать работу по руководству двумя лабораториями и выполнять ряд других обязанностей и в то же время написать хотя бы отдельные, но достоверные эпизоды из жизни Пермского университета. Я решила, что смогу это сделать после ухода на пенсию. Это произошло только в январе 1987 года. Май и июнь 1987 года были полностью посвящены Пермскому университету.

Основной текст был закончен, оставалось написать небольшое заключение. Решила июль и август отдохнуть, а в сентябре закончить и послать. Однако в сентябре я перенесла инфаркт, поэтому и речи не могло быть о посылке. В 1988 г. я решила вообще не посылать. Но наступил 1989 г., в связи с 50-летием событий в Халхин-Голе с мая по сентябрь неоднократно по радио сообщалось об отдельных событиях, происходящих в Халхин-Голе того времени. Я невольно вспомнила Пермский университет того времени. Кроме того, у меня случайно сохранились несколько писем, полученных мною из Халхин-Гола. Сохранились также ряд писем от А.И.Букирева, которые высылаю Вам, точнее в музей (если Вы сочтете нужным).

С уважением

М.И. Прохорова

М.И.Прохорова

Уважаемая Мария Илларионовна!

С большой признательностью получили Ваши воспоминания о работе в Пермском госуниверситете. Наш университет готовится к своему 75-летию и нам очень дорога связь с людьми когда-то работавшими в университете. Ваши воспоминания - это хорошее дополнение к тому материалу, которым располагает музей истории университета о предвоенных годах. А письма Александра Ильича Букирева с Халхин-Гола нашли достойное место в выставке, посвященной 50-летию событий на Халхин-Голе.

Мария Илларионовна! Еще раз сердечно благодарим Вас за память о Перми, о нашем университете. Желаем Вам крепкого здоровья, бодрости.

Пожалуйста, примите наши извинения по поводу задержки с ответом. Большая работа по организации выставки и эпидемия гриппа не позволили своевременно ответить Вам.

Мария Илларионовна! Мы надеемся, что наша с Вами связь не прервется на этом. Большая школа жизни ученого, общественного деятеля предполагает школу познания жизни для молодежи. Мы желая Вам всего доброго, выражаем надежду на сотрудничество с Вами.

Директор музея
истории Пермского госуниверситета

Стабровский А.С.

19 февраля 1990 года